

А. Н. Данилов

**СЛОВО
О СОВРЕМЕННОКАХ:**

эссе, интервью

Александр Николаевич Данилов

Слово о современниках. Эссе, интервью

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7069511

*Слово о современниках: эссе, интервью / А. Н. Данилов ; Нац. акад. наук Беларуси, Отд-ние гуманитар. наук и искусств.: Белорусская наука; Минск; 2013
ISBN 978-985-08-1626-9*

Аннотация

В книге представлены эссе о современниках, интервью с известными белорусскими учеными-социологами, ранее опубликованные в теоретико-методологическом журнале «Социология», которые раскрывают неизвестные страницы развития социологической науки в Беларуси.

Предназначена для научных работников и преподавателей вузов, аспирантов, студентов, для всех, кто интересуется актуальными проблемами современности, историей науки и образования.

Содержание

От автора	5
Эссе	7
С Беларусью в сердце	7
Творческое наследие журналиста А. Т. Симурова	14
Их выбрало время...	20
Нравственный выбор академика В. А. Ипатьева	24
Из плеяды выдающихся писателей	29
Социальная компонента художественного творчества И. Наumenко	31
Историк Н. С. Сташкевич и его время	35
Философия – мысль и поступок	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Николаевич Данилов

Слово о современниках

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Д. К. Безнюк,

кандидат философских наук, доцент И. Н. Андреева

От автора

Само название книги «Слово о современниках...» предполагает высокую ответственность автора за достоверность каждого приведенного в ней факта, мнения, цитаты. Автор, по существу, выступает в роли свидетеля времени, эпохи. Перед вами в некотором смысле необычная книга. Это плод размышлений, осмысления и научного анализа современного состояния общества, его актуальных проблем, стремление понять суть происходящих перемен. Однако перемены прежде всего происходят в сознании людей. Некоторые моменты истории страны, истории науки, истории социологии в книге раскрываются через судьбы конкретных людей, моих современников.

У каждого человека своя судьба и своя слава. Меня всегда интересовал человек как вершина разума, мудрости и нравственности на Земле, с его неповторимой судьбой, жизненной позицией, состоянием духа и истинностью веры. Человеческий фактор является определяющим в любом деле, и настоящая победа всегда на стороне человеколюбия, добропорядочности и истины, если она не пиррова. За любым делом всегда стоит Его Величество Человек. Мои герои – люди с богатой биографией, они преодолели в жизни много трудностей, испытаний и невзгод и вышли из них достойно, обретя заслуженный авторитет и уважение сограждан.

Книга сложилась как-то сама собой. Как каждому главному редактору, мне всегда хочется, чтобы редактируемый журнал был лучшим и от номера к номеру рос к нему читательский интерес. Так и в данном случае. На одном из чествований нашего коллеги начался разговор «за жизнь», и все мы были просто в шоке от услышанного... Как зачарованные, мы слушали увлекательный рассказ юбиляра о своей жизни и судьбе и в конце беседы лишь смогли промолвить, что сегодня он предстал перед нами как совершенно другой человек. Получается, всю жизнь работаем с ним в одном социологическом цехе, общаемся, цитируем его научные труды и ничего не знаем об этом удивительном и очень интересном человеке. Тогда и возникла идея открыть рубрику в журнале «Социология» – «Биографии ученых», где с помощью диалога постараться помочь нашим читателям лучше и больше узнать друг о друге. Вообще в нашем журнале, хотя он и теоретико-методологический, мы много внимания уделяем личности ученого, его жизненному пути, стараемся охарактеризовать среду, в которой он творил, условия, в которых вызревали и формировались его миропонимание, научные идеи и жизненные устремления.

Мне очень дорога эта книга. Все мои герои не вымышленные, это мои кумиры, коллеги, друзья. И сесть за компьютер меня заставило искреннее уважение, чувство большой благодарности и любви к каждому из них. Перед читателем предстает целая галерея зарисовок с натуры в виде эссе об этих светлых личностях, а во второй части книги я веду диалог со своими учителями, коллегами и друзьями. Каждый из моих героев – яркий и неповторимый подвижник, созидатель, узнаваемый человек. Они талантливы, трудолюбивы и по-настоящему одержимы в профессии. Кто-то из них занимает ответственную должность, имеет высокие звания и награды, а кто-то вообще ничего этого не имеет. Для того, чтобы быть неформальным лидером, внешние атрибуты не имеют большого значения. Главное – все они, мои герои, настоящие, одновременно мужественные и скромные, решительные и незаметные, яркие и внешне неброские люди. В них сконцентрированы необыкновенное обаяние и огромная сила человеческого притяжения, реализуемые в энергии творчества, огромной самоотдаче, высоконравственном понимании своего долга и предназначения на Земле. Эти люди – герои моего времени, очень хочется, чтобы нас услышали, а значит – и поняли... Такова моя сверхзадача и я надеюсь, что она хоть в какой-то степени решена в этой книге.

Крупный ученый, руководитель, творческий работник не может состояться вне интеллектуальной среды, круга коллег, с которыми хочется работать, творить, делиться последним. Для меня такой средой стало наше социологическое сообщество, коллектив кафедры социологии Белорусского государственного университета, редколлегия и авторы журнала «Социология», наши друзья в странах ближнего и дальнего зарубежья. Надеюсь, что такое состояние запредельной занятости и возможности работать с полной отдачей сохранится на долгие годы.

В книге есть эссе, посвященные людям, которых уже нет с нами. Благодарная память о них живет в моем сердце, благословляя на добрые дела. Среди них ученые и преподаватели, государственные и общественные деятели, журналисты, педагоги – это мои учителя, наставники, люди высокого долга и чести. Их уже не вернешь, но очень хотелось сделать все возможное, чтобы память о них была долгой...

В заключение хочу выразить искреннюю признательность и благодарность всем своим героям интервью, моим собеседникам, за содержательные и интересные ответы, а также рецензентам книги.

Эссе

С Беларусью в сердце

История не только всегда окрашена судьбами ярких личностей, но, может быть, прежде всего и есть их порыв к новому, их противодействие силам зла. Жизненный пример сильных духом людей помогает живущим преодолевать тяготы бытия и превратности судьбы. Роль личности в истории, ее пророческая функция тем значительней, чем выше потенциал личности. Но труден путь пророка в собственном Отечестве.

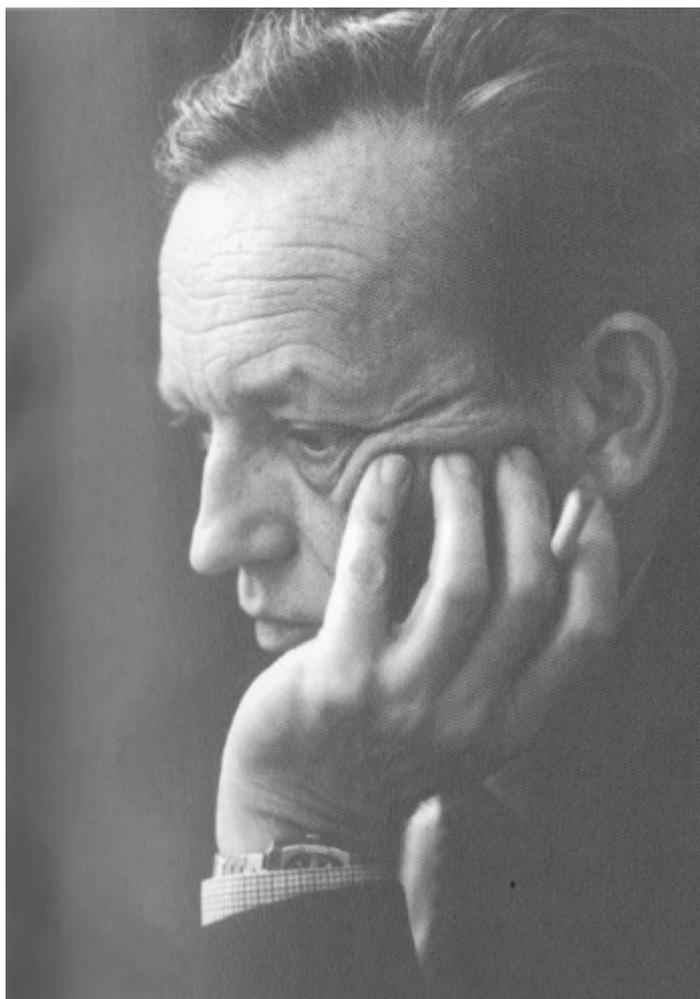
Недавно мне пришлось побывать в России, в Новосибирском академгородке, где я узнал много нового о выдающемся нашем земляке – академике Валентине Афанасьевиче Коптюге (9.06.1931–10.01.1997). Духовное наследие этого замечательного человека еще во многом предстоит усвоить.

Существует мнение, что Вселенная познаваема настолько, насколько велики наши способности видеть ее как единое целое. И фундаментальные исследования, и практические решения только в том случае обретают свою жизненность и необходимость, если дают нам возможность обозревать развитие цивилизации в целом.

Эта идея – целостного восприятия мира и нас в нем – по-моему, будет всегда питать инициативу и поиск настоящих ученых.

Академик Валентин Коптюг вошел в науку прежде всего как выдающийся ученый-химик и блестящий организатор научной деятельности. В короткий срок он прошел путь от научного сотрудника до директора Новосибирского института органической химии, а затем ректора Новосибирского государственного университета. Он 17 лет возглавлял Сибирское отделение АН СССР (позднее – РАН), будучи вице-президентом Российской академии наук.

История Новосибирского академгородка – это прежде всего блистательная плеяда выдающихся личностей. И наш земляк занял среди них достойное место. На долю Коптюга как председателя Сибирского отделения РАН выпали трудности тяжелого времени драматического распада Советского Союза. Благодаря своей поразительной работоспособности, опираясь на наследие предшественников, он сумел не только сохранить единство и высокий уровень сибирской академической науки, но и разработать, а также во многом реализовать ее новую модель организации. Она, эта модель, и сегодня устойчива к множеству отрицательных внешних воздействий.

В. А. Коптюг

Активную общественную деятельность Коптюг вел не только в России, но и в международных научных организациях. Его волновало буквально все, но прежде всего главное – роль и место науки и образования в жизни общества, сохранение окружающей среды, другие глобальные проблемы, вставшие перед человечеством на пороге XXI века. Один лишь перечень его должностей уже о многом говорит: вице-президент, а затем президент Международного союза по теоретической и прикладной химии, вице-президент Научного комитета по проблемам окружающей среды, Международного совета научных союзов, член Консультативного совета высокого уровня по устойчивому развитию при Генеральном секретаре ООН, иностранный член академий наук Болгарии, Индии, Монголии, Чехословакии, Беларуси. За заслуги в науке Валентин Коптюг был удостоен Ленинской премии, Международной премии им. А. П. Карпинского, звания Героя Социалистического Труда.

Огромен вклад академика Коптюга в организацию и успешное проведение беспрецедентной в истории человечества Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.), которая проходила на уровне глав государств и правительств. До конца жизни академик оставался верен главной концепции Конференции, неустанно пропагандировал позитивные идеи этого форума, наглядно выявившего противоречия в развитии человечества, невозможность их разрешения на основе современных социально-политических концепций.

В богатом наследии Коптюга хотелось бы выделить лишь несколько аспектов, осмысление которых чрезвычайно актуально для постсоветских стран. Они не связаны напрямую с

будущим теоретической органической химии и использованием ее возможностей, чем занимался ученый на протяжении всей своей жизни, а касаются насущных проблем общественного развития, в том числе причин развала СССР, сущности последующих реформ в России, трансформации основополагающих социальных институтов, определяющих настоящее и будущее российского государства. Прежде всего это проблемы устойчивого развития государств, сохранения окружающей среды, места и роли науки и образования. «Вряд ли кто-либо будет оспаривать тезис о том, что подрыв образования, науки и культуры лишает Россию будущего, если иметь в виду ее как сильное, независимое государство, а не как сырьевой придаток развитых стран», – настойчиво повторял Валентин Коптюг.

На пороге нового столетия академик указал на особую роль образования, культуры и науки в кризисном обществе и государстве. Этот аспект особенно важен сейчас, когда Россия и Беларусь столкнулись с трудноразрешимыми глобальными проблемами. По мнению ученого, эти проблемы ставят перед нами целый комплекс вопросов. В первую очередь это необходимость научного, более полного понимания человека и мира. Ведь при нынешнем уровне познаний крайне сложно найти наиболее приемлемое решение самых неотложных, базисных проблем развития цивилизации.

Уже на стадии получения общего образования, считал академик, должны закладываться основы понимания взаимосвязи жизни человека (во всех ее проявлениях) с природными и антропогенными процессами, состоянием окружающей среды, проблемами системного кризиса всей цивилизации. А на этапе высшего профессионального образования указанное выше направление должно получить более глубокое развитие с одновременным выделением приоритетных крупномасштабных задач, стоящих перед каждой научной и технической дисциплиной.

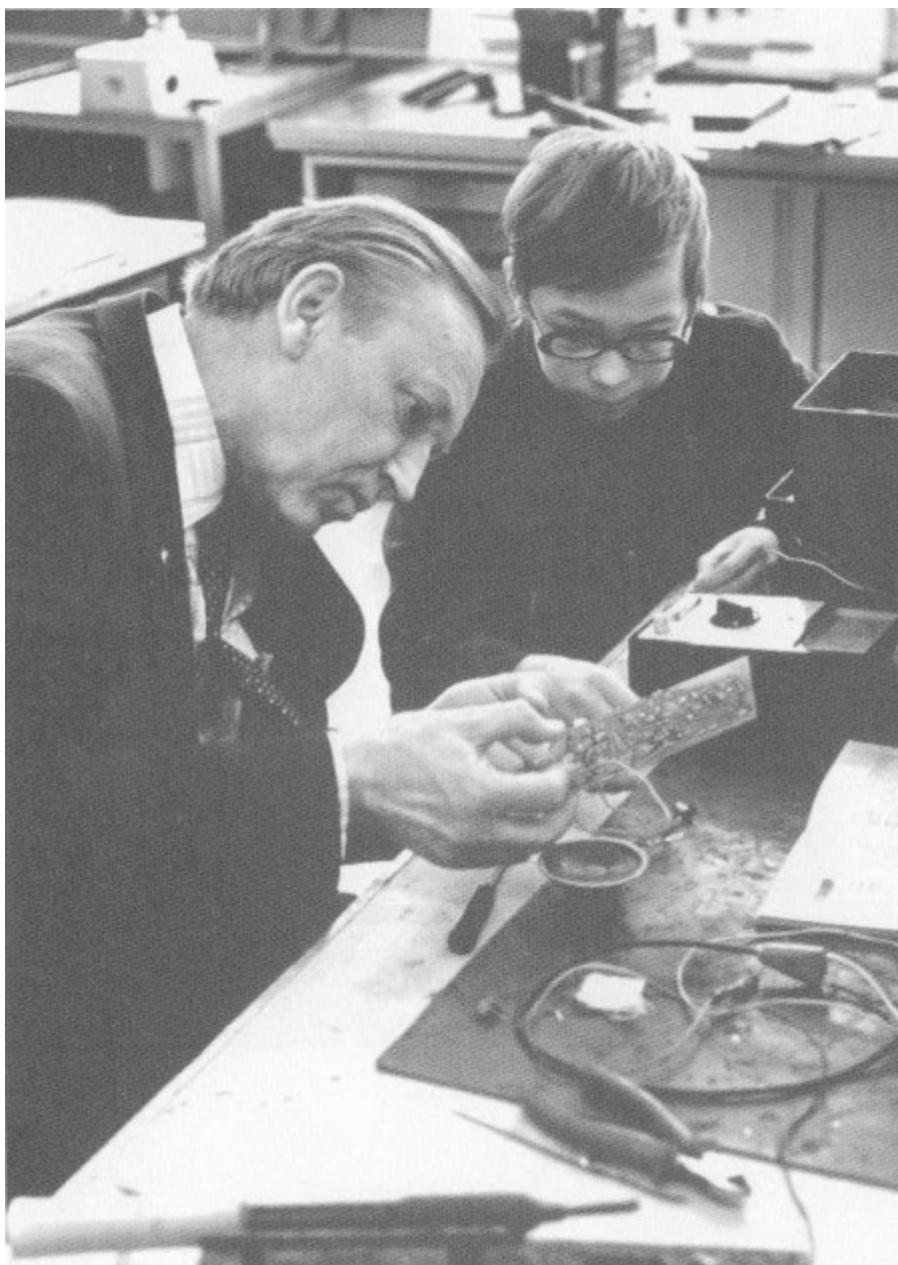
Образование (особенно высшее) и наука, считал Коптюг, – это две ступени процесса овладения знаниями, и усилия по их интеграции должны быть продолжены. В свою очередь наука должна обеспечить более основательный анализ глобальных проблем человечества и поиск путей их практического решения. Неизбежна, по мнению ученого, и еще большая гуманитаризация общества, поскольку возрастает роль духовных факторов в реализации концепции устойчивого развития.

«К сожалению, – писал академик, – гуманитаризация в наших школах пошла сейчас не столько в направлении изучения духовного наследия России и мира, формирования нравственных устоев, сколько преимущественно в потребительско-мещанском плане. С учетом мощного воздействия телевидения у школьников подрываются основы самостоятельного мышления и формируются совсем не те нравственные устои, которые отвечают требованиям XXI века».

Академика Коптюга всегда отличала четкая и последовательная гражданская позиция. Он воспринимал как личную трагедию выявившуюся бездуховность многих людей: они снижали перед демагогами и меняли свои убеждения на прямо противоположные. «Убеждения, основанные на знаниях и закреплённые опытом, не могут меняться в одночасье. Либо такие убеждения есть и отречение от них под влиянием новых факторов сопровождается мучительным процессом переосмысливания своих знаний и опыта, либо их не было, а человек только делал вид, что они у него есть».

Наш знаменитый земляк, возможно, несколько идеализировал научный прорыв Конференции в Рио-де-Жанейро, однако он считал, что исторические сдвиги не определяются мнением ученых, что концепция устойчивого развития останется очередной «розовой мечтой» человечества, поскольку необходимость ее реализации вряд ли будет осознана большинством людей в той или иной стране. Он ясно понимал, что глобалистская пропаганда губительна для самостоятельного мышления, она подавляет способность человека к критическому анализу и формированию своего духовного стержня.

Коптюг деликатно протестовал, когда сверх меры поносили отечественный опыт и всячески восхваляли западный. «Это глупо. Любая попытка разрушить что-то до основания, а затем построить новое дорого обходится обществу. Значительно рациональней и правильней, опираясь на национальный опыт, дополнять его преимуществами опыта других». И приводил доводы, полагая, что они способны убедить каждого. «Опыт Ленинградского и Московского физико-технических институтов, Новосибирского государственного университета и ряда других вузов демонстрирует эффективные, рациональные пути интеграции высшего образования и развитой системы академической науки в нашей стране. Но опять звучат голоса: «А в Америке это делают не так». Там, мол, фундаментальные исследования сосредоточены в университетах, поэтому Академию наук в России, в которой сконцентрированы основные фундаментальные исследования, надо ликвидировать в пользу развития университетов. Мне кажется, что призыв к ликвидации Академии наук России есть отражение воздействия на сознание осуществляемых в стране «политических манипуляций».

В. А. Коптюг в Новосибирском клубе юных техников

Руководя Сибирским отделением РАН, Коптюг опирался на принципы, сформулированные еще М. А. Лаврентьевым и его соратниками: опережающее развитие фундаментальных исследований с использованием возможностей всех наук по созданию и непрерывному пополнению потенциала знаний, позволяющего быстро находить решения постоянно возникающих задач практики;

теснейшая связь науки с народным хозяйством, активная позиция в практической реализации научных достижений;

развитие системы подготовки кадров, опирающейся на интеграцию науки и образования.

Эти принципы выдержали проверку временем и остаются основополагающими в нынешних непростых условиях функционирования науки, причем не только в России или Беларуси.

Академика В. А. Коптюга удивлял и возмущал тот факт, что «стратегии реформирования» в России вообще игнорировали рекомендации отечественной науки. С трибуны общего собрания СО РАН в декабре 1992 г. он открыто говорил о том, что «мы не можем слепо следовать решениям правительства», требовал, чтобы наука стала основой для всех решений законодательной и исполнительной власти, поскольку она способна выявить тенденции и правильно оценить их последствия.

В своем последнем выступлении в стенах Российской академии наук в октябре 1996 г. он мужественно высказался против предложения «серого кардинала» перестройки Александра Яковлева, нацеленного на резкое сокращение государственной поддержки научных исследований, ликвидацию общесоюзного министерства по делам науки, полное отделение науки от государства. Борясь против такой линии, академик Коптюг доказывал, что только единое научное сообщество – та интеллектуальная сила, которая сможет воспрепятствовать навязыванию России статуса развивающейся страны.

Провидец из Беларуси едва ли не первым раскусил губительную и бесперспективную установку на «выживание». Он правильно заключил, что такая установка уничтожит науку и призвал ученых Сибири выработать стратегию деятельности, которая позволила бы гибко и оперативно реагировать на постоянно меняющиеся и перманентно ухудшающиеся условия, но в то же время сохранить главное.

Опираясь на богатейший научный потенциал, Сибирское отделение РАН под руководством Коптюга инициировало расширение международного партнерства, сети международных исследовательских центров, вовлечение институтов в целевые государственные программы и взаимодействие с фондами поддержки науки, создание совместных предприятий с зарубежными партнерами, формирование элементов «технопарковых» зон, развитие производственно-реализаторской деятельности и др. Это была рискованная, но единственно возможная стратегия.

Академик Коптюг хорошо понимал, что сохранение науки во многом зависит от омоложения кадрового потенциала. С его участием была внедрена такая система работы, при которой институты, пользуясь своими скромными финансовыми возможностями и ограниченными ресурсами Президиума СО РАН, стали поддерживать молодые кадры путем введения дополнительной оплаты, специальных стипендий, премий, материально поощрять защиту диссертаций. При этом ученые опирались на опыт работы Новосибирского государственного университета, который и сегодня не приемлет платной учебы, ориентируясь на отбор талантливой молодежи.

Согласно принципам основателей Сибирского отделения РАН, Коптюг сумел сохранить главное достижение этого уникального научного центра – интеллектуально насыщенную среду Новосибирского академгородка. Здесь наука не делится на фундаментальную и

прикладную, нет отраслевых и узкопрофильных дисциплин, здесь проблемы решаются в комплексе, с максимальным использованием возможностей всех институтов.

Ученый исходил из того, что мир в недалеком будущем должен перейти к новому, более устойчивому состоянию равновесия – к многополярности. При этом, полагал он, «полюсами» скорее всего будут США, Россия, объединенная Европа, Китай, Япония и союз исламских стран. Среди экономических проблем долгосрочного характера все большую роль в будущем будут играть резервы жизненного пространства и владение природными ресурсами. Видя, что Запад стремится под лозунгом устойчивого развития навязать Востоку и Югу свою систему ценностей, наш земляк настойчиво указывает на невозможность единства мира без сохранения его разнообразия, подчеркивая, что фетишизация рынка в постсоциалистических странах – одна из основных иллюзий, троянский конь глобалистов.

Академик приводит неоспоримые аргументы, показывая, что вторжение мирового рынка в национальные границы чревато потерей государственной самостоятельности теми странами, где рыночная инфраструктура слаба и защитные механизмы еще не сформированы. Более того, эти страны быстро деградируют: человек все больше изолируется от общества, теряет интерес к опыту предшествующих и ныне живущих поколений, перестает даже обмениваться письмами с друзьями и родственниками. Хищный и беспощадный рынок формирует иллюзию независимости человека от общества, поощряя индивидуализм и эгоизм, пренебрежение интересами и ценностями других людей.

Одним из первых в России академик Коптюг сделал вывод о том, что мораль и этика, гуманизация общества в целом являются важнейшими показателями развития, особенно в период системной трансформации, когда наш общий долг – ответственность каждого за происходящее в его стране и в мире. Такая огромной важности задача стоит прежде всего перед образованием и средствами массовой информации, но она останется нерешенной, если эти системы будут поддерживаться и контролироваться не обществом (в лице государства), а рыночными силами.

Пророчески звучат слова из интервью, которое было опубликовано уже после смерти великого ученого: «Я верю в то, что Россия все-таки возродится. И возродится она через введение нормального государственного регулирования с разумными элементами рыночных отношений. Но многое придется ломать в обратную сторону».

Наш замечательный земляк обладал даром видеть Вселенную как единое целое... Может, именно потому, что ученый яснее других предугадывал многие опасности, он неоднократно подчеркивал: любые реформы аморальны, если они не обеспечивают улучшения жизни народа, порождают неравенство, ведут к экономической катастрофе и хаосу. По большому счету, академик Коптюг во многом предопределил содержание научных и социальных поисков в XXI веке. И чем дальше будет уходить время их свершений, тем более величественно и зримо будет предстать перед потомками его подвиг.

Посещая многие институты Сибирского отделения РАН, встречаясь с людьми, мы видели их нескрываемую любовь к Валентину Афанасьевичу, почетному гражданину Новосибирска. Во многих кабинетах, лабораториях, мастерских по давно заведенной традиции висят его портреты.

Нет и не может быть большого ученого без чувства любви к своей Родине и высочайших моральных критериев. И любая нация сильна своим служением истине. Академик Коптюг всю свою жизнь прожил с Беларусью в сердце, гордился своей «Айчынай» и делал все возможное, чтобы никакие перемены не разделили народы России и Беларуси.

По итогам визита делегации Национальной академии наук Беларуси в Сибирское отделение Российской академии наук было подписано соглашение о многоплановом сотрудничестве, в том числе об учреждении ежегодной премии имени академика В. А. Коптюга за лучшую совместную работу ученых двух академий.

* * *

При открытии памятника на могиле академика В. А. Коптюга 25 июня 1998 г., на котором присутствовала делегация НАН Беларуси, говорили о памяти, верности и продолжении дела великого сына белорусского народа.

Данилов А. Н. С Беларусью в сердце // Беларус. думка. 1998. № 11. С. 56–62.

Творческое наследие журналиста А. Т. Симурова

Александр Трофимович Симурову 6 мая исполнилось бы 90 лет. Первым и самым тяжелым испытанием для него стала война. Более 70 лет тому назад доброволец Симуров смело шагнул во взрослую жизнь и с оружием в руках защищал свое Отечество, был тяжело ранен, Победу встретил в Германии. А далее была непростая гражданская жизнь со своими трудностями и победами. Работа, учеба, а затем более полувека – беспокойная жизнь журналиста. С блокнотом и ручкой он исколесил всю свою большую и малую родину, страны ближнего и дальнего зарубежья. Куда только ни забрасывала его журналистская судьба, но ни разу он не изменил своему выбору... До последнего дня своей до предела насыщенной жизни не прекращал трудиться. С годами только острее становилось стремление понять общество, в котором жил, осмыслить пройденный путь, мир и себя в нем. Так появились книги-размышления журналиста А. Т. Симурова «Вожди, вожаки, вожачки», «Ностальгия», «Откровения», «Узелки на память». В своей последней книге, вышедшей при жизни, – «Молитвы скитальцев» (2007) Александр Трофимович искренне, предельно откровенно, как и положено на исповеди, размышляет о своей трудной дороге к Храму.

Поводом для сегодняшнего разговора стал выход в свет собрания сочинений Александра Трофимовича Симурова «Журналистские свидетельства» в двух книгах, которые изданы согласно воле автора хлопотами вдовы Аллы Сергеевны Симуровой-Чабан. За что ей низкий поклон от друзей, коллег и почитателей таланта Александра Трофимовича.

Книги А. Т. Симурова – подарок нам всем, его современникам, в них – хроника жизни нашего некогда единого и большого государства, каким был Советский Союз второй половины XX века. К тому же это исключительно ценный исторический и учебный материал для работающих в журналистике и тех, кто еще только мечтает связать свою судьбу с этой прекрасной профессией в будущем.

Структура собрания сочинений выстроена таким образом, что логично вбирает в себя все этапы творческой биографии автора. Первая книга включает три тома. Первый – 1950–1957 гг., второй – 1958–1968 гг. и третий том – 1968–1970 гг. А начинается первый том с очень лирических и откровенных заметок «Она стоит у меня за спиной – моя память», где Александр Трофимович размышляет об истоках рода Симуровых, лихолетье войны и своем участии в ней, о приходе в журналистику. В книге очень профессионально подобран иллюстрационный материал. Фотографий немного, они черно-белые. Однако их наличие и содержание позволяют читателю визуально представить автора, вехи его жизненного пути, лучше любых слов рассказывают о времени и о человеке.

А. Т. Симуров

Родом Симуровы из «глухой деревушки Горавицы, что в восемнадцати километрах от уездного центра Городок на Витебщине». Среднее образование Александр Трофимович получил на Витебщине. Как он пишет – «в четырех школах – по мере переезда отца с одной работы на другую». Всю жизнь Александр Трофимович сохранял самые нежные и трепетные чувства по отношению к матери – Марии Семеновне, и не случайно первой в книге представлена ее фотография. Он рано понял, что «... более близкого, более родного и более дорогого человека, чем мама» у него нет. После десятилетки пытался стать геологом и поступал в Ленинградский горный институт. Не хватило одного балла, и буквально перед самой войной был зачислен на первый курс Свердловского горного института. Там и застала его война.

После ускоренных курсов комсостава среднего звена Смоленского артиллерийского училища, эвакуированного к тому времени в город Ирбит Свердловской области, – сразу на передовую. Затем тяжелое ранение. Госпиталя. И снова фронт. Из военной жизни только две фотографии: «С товарищами по военной службе (во втором ряду в центре А. Симуров). Май 1944 г.» и за месяц до демобилизации: «Комсорг батальона А. Симуров. Германия, 1945 г.». «30 октября 1945 года в оккупированной Германии, – пишет Александр Трофимович, – меня застал приказ Сталина о первоочередной демобилизации бывших студентов вузов для продолжения учебы».

И вот новый поворот судьбы. С фотографии на нас смотрит уже в гражданском костюме двадцатипятилетний молодой человек, и трудно поверить, что у него за плечами война: «А. Симуров – первый секретарь Городокского РК ЛКСМБ: Витебская обл., 1946 г.» Следующее

фото и новая ступень жизни: «Слушатель второго курса партийной школы. Минск, 1948 г.» Одновременно учеба на заочном отделении исторического факультета в Минском педагогическом институте. С открытым и принципиальным характером фронтовику А. Т. Симурову было везде нелегко. Ему пришлось слишком много пройти испытаний, чтобы найти себя в совершенно новой для себя профессии – журналистике. Буквально случайно по рекомендации старого, доброго и бескорыстного друга заведующего сектором ЦК КПБ Леонида Спиридовича его зачисляют в «Советскую

Белоруссию» с месячным испытательным сроком. Так начиналось его восхождение в профессии, обретение своего собственного неповторимого стиля, манеры работы и становление заслуженного авторитета профессионала самой высокой категории.

Во втором томе первой книги автор приглашает читателя в свой «журналистский водоворот» – от хозяйственных дел в родной Беларуси до венгерских событий, последовавших за попыткой контрреволюционного переворота, в трехмесячное путешествие по США, в круговерть правдинских будней – без лакировки и приукрашивания рисунка реальную жизнь. Фото ряд становится более насыщенным, где четко фиксируются основные вехи жизни героя в этот период. Вот он в редакции газеты «Советская Белоруссия» встречается с легендарным танцором Махмудом Эсамбаевым (в первом ряду крайний справа А. Симуров). Затем вновь в военной форме – лейтенант А. Симуров, 1952 г., на тактических учениях Центральной группы войск журналисты групповой газеты «За честь Родины» (второй справа А. Симуров). Австрия, 1953 г. Далее опять в гражданской форме на фотографии – перед американской командировкой, 1961 г., на острове Слез у подножия статуи Свободы, 1961 г., вместе с А. Кулешовым – возвращение из командировки в США. Борт лайнера «Королева Елизавета», декабрь 1961 г. И, наконец – соборовский корпус «Правды» на ежегодном совещании в редакции. В первом ряду крайний слева А. Симуров, четвертый слева В. Г. Афанасьев – главный редактор газеты «Правда».

Третий том первой книги и четвертый том второй книги полностью посвящены пятилетней командировке А. Т. Симурова в Болгарию в качестве собкора газеты «Правда», начало которой положил IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов. На фото – советские журналисты в Болгарии (второй справа А. Симуров), проводы на Софийском вокзале (И. Новиков – второй справа, А. Симуров – второй слева). Болгария, май 1971 г., беседы у командующего Военно-морским флотом Болгарии Ивана Добрева. Варна, апрель 1972 г. Александр Трофимович всегда очень тепло вспоминал о болгарском периоде своей жизни. «Писал я из Болгарии действительно много. Пожалуй, болгарский период в моей журналистской работе был самый плодотворный», – искренне признается А. Т. Симуров.

А далее желанное возвращение домой в качестве собкора «Правды» по Беларуси. С пятого по восьмой тома второй книги (1973–1991 гг.) посвящены бесконечным журналистским скитаниям по белорусским городам и селам, многочисленным встречам с людьми и работе по осмыслению людского опыта, народной мудрости, непридуманные истории о белорусских хлеборобах, день и ночь работающих на земле-кормилице. Здесь же – правда о горбачевской перестройке, репортажи с бушующей площади у Дома Правительства. Фотографии, помещенные в книгу, очень точно передают настроение того времени. Счастливые лауреаты Государственной премии БССР. Так высоко была оценена книга А. Т. Симурова «Сказание о болгарском брате» (1974), изданная в Минске. После вручения Государственных премий БССР (слева направо): Александр Симуров, Геннадий Цитович, Александр Кузьмин, Василь Быков, Петрусь Бровка, Нина Снежкова, Иван Пташников. Дом Правительства, 1979 г., далее – встреча с молодыми журналистами на озере Нарочь. Поет И. Копец (первый справа А. Симуров), 1980 г., встреча Первомай. На правительственной трибуне (третий слева А. Симуров). Минск, 1981 г., 70-летие газеты «Правда» (во втором ряду третий справа А. Симуров). Москва, 5 мая 1982 г., на фестивале газеты «Унита». Италия, г. Пиза, 1987 г., тор-

жественное собрание в оперном театре, посвященное 70-летию образования БССР и КПБ (второй слева А. Симуров). Минск, 1989 г. «Заканчивался февраль 1991 года. Я уже, можно сказать, сходил на обочину с соборовской тропы, которую держал двадцать шесть лет в родной Беларуси», – пишет А. Т. Симуров.

Но отдыхать А. Т. Симуров не захотел, хотя шел ему уже семидесятый год. Будучи полвека на передовой, не в характере Александра Трофимовича зачехлять перо, тем более в период, когда начинались новые времена. Он, как в молодости, с присущей ему энергией взялся за осмысление пройденного пути, за новые книги. Одна за другой стали выходить его новые работы, которые вызывали повышенный интерес в обществе. Это книги – «Вожди, вожаки, вожачки» (1999), «Ностальгия» (2000), «Узелки на память» (2001), «Откровения» (2004), «Молитвы скитальцев» (2007). Тома девятый и десятый второй книги «Журналистские свидетельства» в какой-то мере, может быть, кратко, но все же передают накал его творческого горения последних лет жизни. А годы эти тоже были нелегкими, но он всегда боролся и, как правило, побеждал. Преодолевать невзгоды и болезни, которые, увы, сопровождают каждого, с возрастом было легче с семьей (фото с женой Аллой Сергеевной. Минск, 2000 г.) и верными друзьями. Кстати, книгу только украсили помещенные в начале фотографии рукописных пожеланий друзей. Они разностилевые, не всегда читаемые, но очень искренние и, как говорится, от всего сердца.

Именно в этот период Александр Трофимович раскрылся и как глубокий мыслитель, которой смог подняться в своих последних произведениях, особенно в книгах «Откровения» (2004), «Молитвы скитальцев» (2007), до поистине библейских высот. И вполне закономерно, что за книгу «Откровения» он был удостоен премии Федерации профсоюзов Беларуси. На фото он счастливый и немножко смущенный высокой оценкой своего скромного, как он считал, труда. Подпись к фотографии – «Вручение премии Федерации профсоюзов Беларуси (в первом ряду второй слева

А. Симуров). Дом профсоюзов, январь 2006 г.» Но главное в этот период – по-прежнему высокая востребованность его как писателя и журналиста. Стремление издать новые работы, передать колоссальный журналистский опыт, свое понимание сложностей человеческих отношений, обобщить поиски и находки в этом сложном мире, где человеческие страсти, радости и страдания формируют повседневную хронику жизни страны, только ставшей на путь суверенного развития, – становится предметом размышлений писателя.

Жизнь благоволила к автору, как будто кто-то вел его, помогая в трудную минуту вовремя притормозить. Крепкое крестьянское здоровье как основа симуровского долголетия еще служило, поэтому многое из творческих задумок удавалось выполнять, он был счастлив в семье, по-прежнему рядом было много друзей и коллег. Александр Трофимович как-то не четко, с вопросом, но в последних книгах все чаще и чаще говорит, что выручал его из беды Божий промысел... Что ж, он имел право так думать. Слишком много ему пришлось пережить на своем веку ... во что только не поверишь.

Но все же... Когда уже в 2000-х совершенно внезапно его настигла тяжелая и, казалось, безысходная болезнь, спасла человеческая любовь. Как проникновенно пишет А. Т. Симуров, обращаясь к своей супруге Алле Сергеевне: «Твоя святая и светлая любовь, покорность, с которой ты несешь свой супружеский крест, меня до глубины души трогает и небесно восхищает. Она заставила меня ждать каждую минуту, каждый час твоего появления на пороге больничной палаты, вливала в меня живительные жизненные соки, вселяла оптимизм, приближая заветный берег выздоровления, к которому мы с тобой стремились всеми силами». И болезнь отступила.

Со временем помимо журналистской практики появились и новые увлечения: работа на даче, встречи с друзьями в банном клубе «Волна», выезды на природу... Очень удачно в контекст книги вписалась и последняя фотография – А. Симуров с «верным дружкой»

русским спаниелем Тимошкой. Минск, ул. К. Маркса, 2005. Здесь он по-прежнему молод, счастлив и полон творческих планов. Поэтому вполне закономерно, что в качестве эпитафии ко всему собранию сочинений наиболее подходящими видятся слова Александра Трофимовича, оставленные им как своего рода духовное завещание: «Ах, как хочется жить по-новому, понимая все пережитое с вершины сегодняшнего дня... Но нам, уходящим, не дано. Живу надеждой, что молодая смена учтет наши ошибки и недоработки...»

А. Т. Симуров с «верным дружкой». 2005 г.

Я был близко знаком с Александром Трофимовичем и дружил с ним последние десять лет его жизни. Для меня Александр Трофимович Симуров был прежде всего человеком высокой чести и достоинства. В нем постоянно жило чувство верховенства справедливости. И поэтому жизнь он всегда воспринимал такой, какой она была на самом деле. Не любил краснобаев, неискренних людей, подхалимов и угодников и сам никогда не унижался. Видел далеко вперед. Его правда – не рекламная, броская, крикливая

бравада, а как бы идущая из глубин народного духа, исповедальная, чистая, насыщенная мудростью жизни. Его правда – правда подвижника, скитальца в поисках истины, защитника своего Отечества... Ему веришь и понимаешь, он не дрогнет, не предаст, а если в чем-то убежден, за чужие спины прятаться не станет... Как много он мог и как сегодня его не хватает родной стране и нам – его друзьям и коллегам.

Написанное Александром Трофимовичем будет жить долго, как документальная летопись времени, правдивое свидетельство неравнодушного человека, патриота и гражданина беззаветно любимой им Беларуси. Эта книга, как и жизнь А. Т. Симурова, о людях и для людей. Хочется, чтобы его труды были прочитаны молодежью и стали учебным пособием, хрестоматией для начинающих журналистов. Честное слово, Александр Трофимович достоин этого и я в это искренне верю.

Данилов А. Н. Творческое наследие публициста Александра Симурова // Беларусь. думка. 2011. № 5. С. 96–98.

Их выбрало время...

Его хоронили со всеми воинскими почестями: рота почетного караула, Государственный флаг, исполнение Государственного гимна родной Беларуси, залпы прощального салюта... Хотя к этому времени Владимир Николаевич Севрук уже не занимал никаких государственных постов.

Среди пришедших проводить его в последний путь – школьные друзья, сокурсники по Белгосуниверситету, товарищи по работе в комсомоле и партии, коллеги-журналисты, воины-афганцы, просто друзья и знакомые, с которыми ему довелось встречаться на своем непростом жизненном пути. Был январь 2005 г.

6 июня 2012 г. Владимиру Николаевичу исполнилось бы 80 лет.

Мы познакомились после его возвращения в Беларусь, в родном и бесконечно любимом им городе Минске. Случилось это в далекие уже 1990-е годы. Знал я о нем очень мало и только двухтомник белорусского писателя М. Машары, купленный мною по случаю, напомнил мне эту фамилию. Переводчиком с белорусского языка, как значилось на обложке книги, был В. Н. Севрук. В годы горбачевской перестройки о нем много писали, все больше разоблачали и клеймили. Такое было время.

Человек оказался действительно незаурядный. Уже с первых минут разговора ощущался масштаб его личности. Говорил он горячо, весомо, ярко, убеждая аргументами и фактами из реальной жизни. Его просто переполняло искреннее желание быть полезным родной стране. Незаметно пролетело более двух часов, а мы все кружили вокруг главного корпуса Белорусского государственного университета. Разговору не было конца. Со временем, в период уже нашей совместной работы, прогулки по прекрасным столичным проспектам и паркам, скверам и улицам станут нашим постоянным и любимым занятием. В Минске, видимо, не было ни одного дома, улочки, маленького уголка, о которых бы он не знал. Особая тема – война. В памяти он постоянно возвращался в детство: бомбежки, оккупированный Минск, голод, первые жертвы...

Владимир Николаевич родился в Минске, в семье учителей. Учился в школе, затем на философском отделении исторического факультета Белорусского государственного университета. Был членом комитета комсомола, занимался спортом (разряды по плаванию, легкой атлетике), занимался журналистикой, участвовал в художественной самодеятельности. По своим взглядам был убежденным государственным патриотом. Никогда этого не скрывал. Не терпел полутонов и не уходил от самых острых и неприятных вопросов. Понимал, что сегодня можно увернуться от ответа, но рано или поздно жизнь все равно заставит посмотреть правде в глаза и отвечать по сути. Идеолог по призванию, раньше о таких говорили – профессиональный революционер.

В. Н. Севрук

Был человеком смелым. Когда предложили по комсомольской путевке ехать редактором молодежной газеты в далекий Магадан, без всяких колебаний принял предложение. Участвовал в реабилитации незаконно осужденных. Позже, уже работая заместителем заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС, неоднократно командировался в Афганистан в период нахождения там ограниченного контингента советских войск, где показал себя мужественным и полезным работником. Не стал «отмазывать» и своего единственного сына Сергея, фотожурналиста «Известий», от командировок в Афганистан, где тот получил тяжелое ранение и чудом выжил. Мужественно, как и подобает солдату, принял его безвременный уход.

Владимир Николаевич был человеком творческим, талантливым. Всегда много и эффективно работал. Профессиональный политический аналитик. Кандидат филологических наук. Много дала Академия общественных наук при ЦК КПСС, которую с блеском закончил, вернувшись из Магадана. Он был незаменим и всегда нарасхват, всем нужен, потому что многое умел делать сам, своими руками и головой. Никогда не терял самообладание. Не боялся нападок оппонентов, знал силу правды и верил в торжество справедливости. Фантастически много знал. Обладал феноменальной памятью. Реализовался как переводчик, историк, журналист, в документальном кино. После ухода из ЦК – первый заместитель главного редактора «Известий», главный редактор «Недели». Лауреат премии ВЛКСМ в области литературы и искусства.

Любил и мог работать красиво. Не боялся иметь свою точку зрения и был решителен в ее отстаивании. Высказывал ее публично. Мог держать удар и никогда «не скулил». Даже когда было невыносимо больно от несправедливости и непонимания. Не принял разрушительный характер горбачевской перестройки, приведший к развалу СССР. В ЦК КПСС вел один из самых трудных участков работы – координировал всю печатную продукцию страны, электронные СМИ, полиграфию. Находясь на столь ответственном участке работы, многое сделал для родной Беларуси. В том, что сегодня наша страна не испытывает больших проблем с современными полиграфическими мощностями, есть немалая заслуга Владимира Николаевича. Многим помог реализовать свою индивидуальность. Перевел на русский язык произведения И. Мележа, В. Короткевича, С. Граховского, А. Савицкого, М. Машары, П. Мисько. Работая в Администрации Президента Республики Беларусь, инициировал мероприятия по утверждению суверенитета страны и организации эффективного функционирования белорусских СМИ, разработке новой учебной и научной литературы, всеми силами противостоял фальсификации истории родной Беларуси, особенно итогов Великой Отечественной войны.

В. Н. Севрук на Международном конгрессе в Париже. 1977 г.

Был надежным другом и верным товарищем. Всегда был готов прийти на помощь и в трудную минуту первым старался протянуть руку поддержки. Это его крылатое «прорвемся на БТРах». В любом коллективе как-то очень естественно становился лидером, «занимал площадку», был интересен всем. Активно участвовал в работе Компартии Беларуси, бывшие воины-афганцы избирали его заместителем председателя Белорусского союза ветеранов войны в Афганистане, был всегда желанным гостем в Белорусском Республиканском Союзе молодежи.

Во время отдыха – душа компании, заводила всех розыгрышей, дружеских шаржей, шуток и удивительных приключений. Любил покупать продукты на Комаровском рынке, сам хорошо готовил, особенно у дружеского костра.

Родной Минск, Беларусь – это для него было все. Досконально знал историю родной Беларуси, родной язык и литературу.

Он никогда не сожалел о прожитых годах, всегда в душе оставался молодым. Жил проблемами своей страны и ради ее счастья был готов работать сутками. Уже покинув государственную службу, оставался загруженным под завязку, был полон планов и надежд, которым, к сожалению, не суждено было сбыться.

Последний раз супруга Владимира Николаевича, Нина Александровна, кстати, лауреат Государственной премии СССР в области журналистики, собирала родных, друзей и коллег в кафе «Чебуречная», что на улице Володарского. Собирала не случайно. Здесь молодой студент БГУ Владимир Севрук познакомился со своей будущей женой, чтобы затем вместе рука об руку пройти с ней всю свою жизнь.

На Московском кладбище на небольшой стеле скромно и по-военному строго выгравированы три имени: Севрук Сергей Владимирович (1954–1997), Севрук Владимир Николаевич (1932–2005) и Севрук Нина Александровна (1933–2010). Низкий поклон и светлая им память...

Данилов А. Н. Их выбрало время... // Беларусь. думка. 2012. № 6. С. 76–77.

Нравственный выбор академика В. А. Ипатьева

Всей душой поддерживаю проведение научного семинара «Ипатьевские чтения», посвященные 70-летию со дня рождения выдающегося ученого и организатора науки академика В. А. Ипатьева. Очень важно, что они проводятся по инициативе и в его родном Институте леса Национальной академии наук Беларуси. Мужество, подвижничество, жертвенность Виктора Александровича рано или поздно будут сполна оценены современниками. Убежден, что память об этом человеке и его делах будет долгой и светлой, а Ипатьевские чтения с каждым годом будут принимать все более масштабный и регулярный характер. Сюда будут приезжать ученые со всего мира, для которых наука – это неустанный поиск, одержимость и полная самоотдача в служении ее величеству Истине. И все это неотделимо от таких святынь для каждого человека понятий, а для ученого тем более, как честность, порядочность, благородство, искренность, нравственность. Именно таким, по максимуму, сделал свой жизненный нравственный выбор Виктор Александрович и ему он следовал неукоснительно всю свою жизнь. Может быть, слишком завышенной покажется эта планка для некоторых наших современников и не каждому из них она будет по плечу. Но ведь и истина открывается не всем...

Имя Виктора Александровича Ипатьева широко известно в Беларуси, среди научной общественности стран, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза, в дальнем зарубежье. И хотя родился он в далеком западносибирском городе Омске, в семье ученых-генетиков, однако его становление как ученого и гражданина происходило на Могилевщине, в стенах Белорусской сельскохозяйственной академии, где работали его родители. Отец Виктора Александровича – Александр Николаевич, член-корреспондент АН БССР, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, был известным биологом, селекционером, сподвижником Н. И. Вавилова, много сделавшим в области селекции и генетики плодовоовощных культур.

Известность пришла к Виктору Александровичу в пору зрелости, в силу высокой востребованности результатов его фундаментальных работ по реабилитации белорусских лесов после их радиоактивного загрязнения, вызванного аварией на Чернобыльской АЭС. Он был избран директором Белорусского НИИ лесного хозяйства (с 1992 г. – Институт леса НАН Беларуси), членом-корреспондентом, академиком Национальной академии наук Беларуси, сенатором Национального собрания Республики Беларусь, членом Президиума Национальной академии наук, с декабря 2000 по март 2001 г. исполнял обязанности Президента НАН Беларуси. Он стал реальным защитником академической науки от чиновничьего произвола. Это был смелый, мудрый человек, искренне радеющий за государственные интересы. Он никогда не считался со временем, мог поступиться своими личными и семейными делами. Был легок на подъем, никогда не кривил душой и не отнекивался, что это не его дело. Если ситуация того требовала – находил время и аргументы, чтобы защитить конкретного человека и его позицию. Не боялся брать на себя ответственность и никогда, ни при каких обстоятельствах не прятался за чужие спины. Он делал все, что мог, по максимуму, никогда не думая о последствиях для себя.

В. А. Ипатьев

Могу только констатировать, что академика Виктора Александровича Ипатьева сегодня очень не хватает нашей науке, нашей академии и, конечно же, нашей стране. Как много в его судьбе переплелось: приближенность к семье Вавиловых, гонения на генетиков и в связи с этим переезд, сродни бегству, в Горецкую сельхозакадемию, ранняя утрата отца. Далее – трудное восхождение в науке, поистине подвижнический труд по постчернобыльской реабилитации белорусских лесов, борьба с бюрократией за чистоту академической науки, отлучение от института, молчание (или умолчание, замалчивание) со стороны коллег и учеников.

Сейчас, вспоминая его решительные, подчас отчаянные поступки, начинаешь понимать, что это была не бравада или спонтанная реакция отчаянного храбреца-одиночки. По своему призванию, судьбой ему было определено быть служителем истины, рыцарем науки. И другим быть он просто не мог... Иначе это был бы уже не Ипатьев. Он достойно нес свой тяжкий крест – память предков, понимание науки и образа ученого, который был сформирован лучшими русскими исследователями. И стал их надежным охранителем. Этика семьи Вавиловых, а затем и Ипатьевых, интеллектуально и нравственно насыщенная среда его воспитания, мучительные переживания близких за судьбу науки, гонения на истинных ученых, забота о сохранении доброго имени Николая Ивановича Вавилова сформировали Виктора Александровича человеком исключительно совестливым, высоконравственным. Сегодня, увы, не все меня даже поймут, о чем, собственно, речь... Но так было, так должно быть в

научном сообществе. Поступок по совести выплескивает глубинную энергию человеческой души и никогда не может обесцениться. В этом – первооснова человеческого существа.

Не хватает сегодня в науке личности такого масштаба, каким был Виктор Александрович, ученого такого мужества и решительности, человека исключительной нравственной чистоты и порядочности. Его донкихотство не все сразу поняли, так как некоторым его завистникам было трудно принять, что за его искренней, иногда чересчур откровенной государственной позицией не было никакой хитрости, злого умысла и тем более – личного карьерного интереса. Он в своей жизни никогда никуда не просился, не подличал, все, что было связано с риском, в том числе для здоровья, даже жизни, он брал на себя. Понимая, что на нем лежит ответственность за коллектив и конкретных людей, которые ему полностью доверяют, после катастрофы на Чернобыльской АЭС он без малейших колебаний переехал с семьей из благополучного Минска в «радиоактивный» Гомель, чтобы возглавить Институт леса. При этом я никогда от него не слышал, что подобное решение было героизмом или хотя бы смелым поступком. Таков был его нравственный выбор, так он понимал свой долг ученого.

Постоянно возникает вопрос об истоках его решительности, мужества, нравственной чистоты и высокой научной этики. Здесь сразу многое вспоминается из наших встреч, когда он мог достаточно откровенно говорить о пережитом, что волновало и заботило. Сколько боли и человеческого соучастия, желания отдать все ради спасения ближнего или помощи ему было в его словах. Сколько душевной теплоты и искренней благодарности в воспоминаниях о своих учителях, родных, близких, о замечательной семье Н. И. Вавилова. Самое главное, что сложные перипетии жизни не обозлили его, не сделали замкнутым и завистливым. Наоборот, трудности только закаляли, открывали лучшее в нем. Вот и истоки – они в его роде, среде истинных служителей науке, культуре русского и белорусского народов. Виктора Александровича природа наделила мощным, сильным характером, а среда, поистине уникальная, сформировала его человеческие ценности и устойчивое представление о жизни в науке, ученом гражданине и патриоте своей страны.

В. А. Ипатьев выступает на научной конференции с результатами исследований экосистем Беларуси

Академик В. А. Ипатьев много успел сделать в науке. Исследовательская работа, научные конгрессы и конференции, демонстрация полученных результатов, родной институт, друзья и коллеги, постоянные заботы о хлебе насущном – вот далеко не полный перечень каждодневных забот этого человека. Утром он в Гомеле, в обед – в Минске, вечером уже встречается в Смоленске, Брянске или Москве. Ритм жизни был просто запредельным, по существу неделями на колесах. Лес был его отдушиной и болью. Он любил его самозабвенно. Очень много сделал для реабилитации лесов, их возрождения. За недопущение массовых вырубок белорусских дубрав сражался со всесильным И. И. Титенковым, доказывал чиновникам свою правду и добился многого – получил поддержку Главы государства.

Виктор Александрович был всегда душой компании. Лидерство, публичность, открытость были его второй натурой. Просто на лету схватывал суть проблемы и без оглядки выносил ее на обсуждение. Ему было свойственно быстро принимать решения, не откладывая их в долгий ящик. Это не значит, что решения были непродуманными и сделанными впопыхах. Никогда не боялся любой аудитории, в споре быстро загорался, был страстен, всегда имел свою позицию и с аргументами в руках публично ее защищал, при этом был чуток и внимателен к чужому мнению. Уже будучи тяжелобольным человеком, когда сложно было передвигаться без посторонней помощи, приезжал на академическое собрание и, как в последний бой, шел на трибуну, чтобы сказать правду...

Но жизнь Виктора Александровича – это не только борьба. Он жил, творил, дружил, любил и пользовался большим и искренним уважением среди научной общественности. Занимался общественной деятельностью, был активным сторонником Союзного государства Беларуси и России, много сделал для укрепления научных связей между учеными двух братских стран. Поэтому вполне закономерно его избрание академиком Российской академии сельскохозяйственных наук, профессором некоторых российских университетов.

Надежным тылом и опорой в жизни для Виктора Александровича стала его семья: супруга – Ксения Константиновна и сын Александр. Им было нелегко с таким строптивым главой семьи, но они достойно несли и несут сегодня его доброе имя.

Мне не хотелось бы, чтобы мои личные заметки были восприняты как желание написать икону со своего ушедшего товарища. В этом меньше всего нуждается коллективная память об этом великом человеке, который, как и всякий живущий на земле, был не безгрешен и имел свои недостатки. Вспоминая и рассказывая о нелегкой судьбе академика Виктора Александровича Ипатьева, его жизненном подвиге, служении истине, мы закладываем высокую планку нравственности для будущих поколений молодых людей, которые делают сегодня только первые шаги в науке. Верю, что его ученики и последователи никогда не отойдут от завета так чтимого им Николая Ивановича Вавилова: «На костер пойдем, гореть будем, но от своих взглядов не отступимся», которые и для Виктора Александровича стали пророческими.

Впереди еще много дел по увековечению памяти Виктора Александровича. Предстоит обобщить, систематизировать и издать его научное наследие, будет справедливым присвоить имя академика В. А. Ипатьева Институту леса Национальной академии наук Беларуси. И, конечно же, его нелегкая судьба и жизненный подвиг достойны пера настоящего художника. И поверьте мне, это будет по-настоящему увлекательное и поучительное для сегодняшних Геростратов творение.

Нынешним летом будет уже три года, как Виктора Александровича нет с нами, но рана утраты не заживает. Шумят посаженные им дубравы, поднимаются молодые посадки, и каждую весну на чуть освободившихся от снега лесных опушках обязательно распускаются первые подснежники. В чем-то это символично, что день рождения главного лесного доктора страны – как раз ранней весной, в пору пробуждения природы.

Мы помним и низко склоняем голову перед светлой памятью нашего друга Виктора Александровича Ипатьева.

Данилов А. Н. В. А. Ипатьев: наброски к портрету ученого и человека // Советский студент. 2012. № 15–16. 20 апр.

Из плеяды выдающихся писателей

Никогда не думал, с интересом читая произведения народного писателя Беларуси Ивана Науменко, которые были включены в учебную программу средней школы по литературе, что судьба подарит мне великое счастье общения с этим прекрасным человеком и крупным белорусским ученым.

Время, когда я прикоснулся к творчеству Ивана Науменко, а это 60-е годы прошлого века, было исключительно интересным и запоминающимся. Видимо, как детство любого человека. Тогда огромное влияние на формирование подрастающего поколения оказывали такие составляющие, как семья (только закончилась война и везде царил дух энтузиазма и созидания), конечно, сама окружающая среда или улица (все много работали, как могли устраивали свой быт, было принято ходить друг к другу в гости, разговаривать о минувшем лихолетье, о собственных встречах и переживаниях) и, пожалуй, самое удивительное – огромное влияние оказывали книги. В одном ряду с самыми авторитетными и влиятельными людьми, вместе с родными отцом и матерью, возвышалась величественная, во многом определяющая твои жизненные ценности, образ жизни и мыслей, линию поведения, собственно, как потом окажется, и твой жизненный путь, а где-то и все твоё будущее, фигура писателя. Сейчас те, кто будет читать мои краткие заметки, возможно, меня не поймут, но так было Иван Яковлевич, конечно, из плеяды характерных писателей, с собственной сложной биографией, сам свидетель и летописец своего времени.

Академики НАН Беларуси (слева направо) В. В. Гниломедов, В. А. Коваленко, И. Я. Науменко

Ему не надо было изучать жизнь, ездить в творческие командировки, он не сторонний наблюдатель чужих переживаний, радостей и побед, конфликтов и трагедий. В жизни он писатель, а в своих произведениях – герой. И ведь действительно, какая уникальная судьба и какая насыщенная жизнь... Детство, опаленное войной. Семнадцатилетним юношей ушел

в партизаны, служил в Красной армии, участвовал в боевых действиях. И, наконец, долгожданная Победа. Он через всю жизнь пронес это великое чувство – чувство победы, победителя... Всякий раз, наблюдая Ивана Яковлевича, с его уже в пожилом возрасте некоей медлительностью и невозмутимостью, убеждался – он просто так ни одной принципиальной позиции никому не сдаст, будь то в науке, в творчестве, а тем более – в политике. За его внешним спокойствием скрывался твердый характер и непоколебимая воля защитника Отечества.

И. Я. Науменко всегда хорошо учился, фантастически много работал. Белорусский государственный университет он окончил в 1950-м, затем работал на кафедре белорусской литературы БГУ, заведовал этой кафедрой, а с 1973 г. – в Академии наук, директор Института литературы АН БССР, вице-президент АН Белоруссии, советник Президиума НАН Беларуси, с 2002 г. – главный научный сотрудник Института литературы НАН Беларуси. Все-таки он был рожден исследователем, творцом. Многочисленные административные обязанности, конечно, отнимали много времени и энергии, но, несмотря на все препоны тогдашней жизни, он каждую свободную минуту использовал, чтобы писать... Помню, как-то при встрече я спросил его о количестве написанных им книг. Ответил просто, мол, где-то до двадцати еще считал, а с каждой новой книгой открывались новые горизонты и уже новая тема полностью овладевала мыслями, забирала все свободное время, и хотелось только писать и писать...

Мне было интересно наблюдать Ивана Яковлевича на заседании бюро Отделения гуманитарных наук и искусств. Когда во время обсуждения каких-то вопросов возникал горячий спор или какая-то спорная ситуация, многие обращались к Ивану Яковлевичу. Он всегда был немногословен, сдержан в оценках. Ему было присуще чувство нового.

Вспоминается наша встреча в академическом доме отдыха по случаю 75-летия Ивана Яковлевича Науменко, прежде всего сам разговор – очень искренний и поистине академический. Эта встреча из числа исторических, которых сегодня так всем нам не хватает.

Мы частенько встречались в коридоре Академии наук на четвертом этаже. Здесь тогда располагался Институт литературы и ВАК. Всегда по-доброму раскланивались, приветствуя друг друга, и действительно это было искренно, от души. Мне были приятны эти краткие и запоминающиеся встречи. Последний раз мы встретились с Иваном Яковлевичем накануне нового 2003 года. Он давно обещал подписать мне свою книгу, но все как-то не получалось.

На этот раз мы зашли ко мне в кабинет, недолго поговорили, и Иван Яковлевич на прощанье подписал мне свою книгу повестей и рассказов «Гуканне над верасамі». Написал как пожелание. Дословно это звучит так: «Аляксандру Мікалаевічу Данілаву. З добрымі зычэннямі перамог на навуковай дарозе. І. Навуменка. 22.XII.2003».

Данилов А. Н. Из плеяды выдающихся писателей // Междунар. науч. чтения памяти Ивана Науменко «Рэгіянальнае, нацыянальнае і агульначалавечае ў літаратуры». Гомель, 2009.

Социальная компонента художественного творчества И. Науменко

С большой благодарностью принял приглашение оргкомитета научной конференции, посвященной 85-летию выдающегося ученого, писателя и общественного деятеля Беларуси Ивана Яковлевича Науменко, подготовить небольшой доклад и выступить с ним на пленарном заседании. Мне посчастливилось последние пятнадцать лет жизни великого «песняра» знать его, общаться с ним, вместе работать в Отделении гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси. Не скажу, что наши встречи были частыми, а разговоры долгими. Но, во всяком случае, они были приятными для нас, а для меня – еще и исключительно полезными и запоминающимися. За это я чрезвычайно благодарен Ивану Яковлевичу и судьбе. Поэтому и считаю своим долгом высказаться по предложенной мне теме (хотя и не являюсь профессиональным литературоведом) относительно творчества Ивана Яковлевича. Хотелось бы, чтобы мои скромные заметки воспринимались исключительно как мнение заинтересованного читателя его произведений.

Поколению писателей, которому принадлежит И. Науменко, досталось не простое время. Рядом с ним творили такие выдающиеся деятели белорусской литературы, как И. Мележ, В. Быков, И. Шамякин и др. Им, еще не остывшим от военных баталий, в своих произведениях хотелось показать правду жизни, поделиться пережитым, рассказать о своих товарищах и друзьях. Война стала для них временем зрелости и возмужания. Они быстро повзрослели, но мирной жизни еще не знали и писали ее, что называется, «с натуры». Может, поэтому так скрупулезно, с филигранной точностью в деталях, глубоко и достоверно отражены в произведениях Ивана Науменко жизнь и быт простого человека. Кому-то может показаться, что некоторые его герои очень уж правильные, но почему мы не можем допустить, что они действительно были такими. Автор просто ничего не прибавлял, не додумывал за них, он только правдиво отражал действительность.

Конечно, писатель такого масштаба, как Иван Науменко, по-хорошему и должен быть автобиографичным. А как же иначе? Как уйти от правды жизни, трагедий войны, трудностей послевоенной действительности? И вместе с тем счастливой судьбы, когда сама молодость, этот прекрасный возраст, наполнен планами и надеждами, любовью и юношескими порывами, когда кажется, что самое трудное, что может быть в жизни – война, уже позади. Ты остался в живых, и она, эта жизнь, просто обязана быть счастливой и бесконечной. Иван Науменко, безусловно, романтик, тонкий лирик и в то же время суровый аскет, реалист и социальный романист. Как много открылось в нем талантов! Он писатель, ученый, педагог, общественный деятель, как много ему дано было в этой жизни совершить. Вот уж поистине цельная и яркая натура!

Иван Науменко, сродни летописцу Нестору, вошел в историю литературы как правдивый рассказчик своего времени. Его произведения и есть учебник жизни, беспристрастная картина военной и послевоенной белорусской действительности, написанная талантливо и искренне. Ему не нужен лихо закрученный сюжет, непредсказуемые действия героев, Osborne, как сейчас говорят, спецэффекты. Только человек, прошедший военными дорогами и в полной мере хвативший военного лиха, может с поистине библейской глубиной и мудростью Создателя так проникновенно и точно написать о вечном человеческом противостоянии Добра и Зла. Вроде бы негромко, даже иногда может показаться скупой и в чем-то неброско, но одновременно исключительно психологически верно и правдиво раскрыть всю сложность и противоречивость внутреннего мира своих героев.

Герои произведений И. Науменко живут в реальном мире, любят и ненавидят, создают семьи, работают, порой ошибаются. Они все разные, у каждого своя судьба и свое понима-

ние жизни. Но им почему-то веришь, их переживания задевают тебя и уже вместе с ними ты как бы стоишь перед выбором. А жизнь, собственно, и состоит из выбора. Конкретный поступок, открытая позиция, искреннее слово, мудрость молчания ... И так всю жизнь. Цена этого выбора – отношение к тебе окружающих, как говорится, людская молва. И бывает, надо прожить всю жизнь, пройти все испытания, чтобы социально созреть до понимания совершенно простой истины: «Жить-то надо по совести, исправить что-то бывает уже слишком поздно или невозможно уже никогда ...» Но хотя бы понять для себя и признать свои ошибки, успеть попросить прощения, покаяться – также важно, чтобы меньше было зла на Земле.

Именно из таких маленьких зарисовок в произведениях И. Науменко предстает перед читателем цельная картина белорусской жизни с ее бытом, традициями, уникальной культурой и неповторимым по красоте и мелодичности белорусским языком. И, конечно же, понятно стремление автора раскрыть в своих произведениях особенности характера и суть главного героя своих произведений – скромного, трудолюбивого, в чем-то противоречивого, до сих пор неразгаданного белоруса.

В качестве примера сошлюсь на небольшой рассказ И. Науменко «Серебряные мхи», опубликованный в самом начале 1980-х годов. Может, это и хорошо, что прочитал я его поздно, после таких крупных и всем известных произведений, каковыми по праву являются «Сосна при дороге», «Ветер в соснах», «Сорок третий». Вроде рассказ как рассказ. Вполне традиционный сюжет: после тридцати лет отсутствия на родину в небольшое белорусское местечко приезжает в отпуск Василь. Внешне в селе давно исчезли следы недавней войны, а вот сердце по-прежнему болит. «Можа, таму, што не часта прыязджае у мястэчка, дзе рос, вучыўся, адкуль пайшоў на вайну і пасля вайны жыў».

Члены Президиума НАН Беларуси: первый ряд (слева направо) – Н. А. Борисевич, Л. В. Хотылева, Л. М. Суценья, Р. Г. Гарецкий, П. И. Ящерицын; второй ряд – А. М. Гончаренко, И. И. Лиштван, В. С. Бураков, М. С. Высоцкий, И. Я. Науменко, В. Н. Гурин

В местечке, где жил Василь, заметны перемены к лучшему. Возведены новые хозяйственные постройки, выросла новая улица, где вместе с совсем новыми домами «глядзяць на свет... перасыпаня, абшальяваня дошкамі, другімі, шырэйшымі вокнамі старыя хаты». Односельчане стали зажиточными, обзавелись хозяйством, обустроили быт... Были и разочарования. На месте ранее живописной природы, где росли почти в каждом дворе размашистые многовековые дубы, тянулись вдоль края болот заросли зеленых кустарников и царил дух спокойствия, задумчивой сосредоточенности, теперь ничего этого не осталось. Нет ни дубов, ни зеленого кустарника, нет даже болот. Вокруг – круглая, как тарелка, равнина, на которой там-сям возвышаются скирды плохо сложенной соломы. И повсюду следы бесхозяйственности: совершенно разбитая, разрезанная тракторами дорога, земля вокруг разворочена, в бесконечных ямах-колдобинах – вода, под открытым небом стоят гусеничные трактора, комбайны, большие катки, которыми утрамбовывают болотную землю, разные навесные приспособления.

Как точно и смело передает автор отношение селян к своему труду, быту, окружающей их природе. Почему же человек мирится со всей этой бесхозяйственностью, почему родное общее, почему не свое. И совсем другое отношение у писателя. Позиция И. Науменко – не взгляд постороннего, изредка наезжающего погостить на свою малую родину, а позиция государственника, понимающего и ценящего свои корни. Эти корни здесь – на небольшом хуторе... Но это свое и, где бы ты потом ни был, навсегда останется с тобой... Это родное, а значит – навсегда... Даже если что-то не нравится, оно родное, твое... И как удивительно тонко, за, казалось бы благополучным и успешным сегодня, где-то глубоко внутри, на периферии, отдельными мазками И. Науменко рисует то Зло, которое уже совсем скоро может вылиться во всенародную трагедию. Я имею в виду равнодушие, пьянство, бесхозяйственность, а далее – потеря своих корней, национальной памяти, души человеческой. Может быть, как часто бывает в жизни, об этом мы говорим только сегодня, когда из того, о чем нас предупреждал еще в начале 1980-х годов этот проницательный и глубокий мыслитель, многое уже пережили. Поистине тяжел крест пророка в своем Отечестве.

Так душа Василя болит о прошлом, где тоже нет ясности и никак не развязать тугой узел проблем далекой юности. Здесь в последний довоенный год он встретил свою любовь. С Катей, дочерью обходчика Дроздовича, сблизилась во время войны, когда помогал партизанам, а разошлись, когда наступил мир. И его нынешний приезд не в малой степени связан с переживаниями той далекой поры. Что-то приятное, теплое возникло в душе, когда он проходил через переезд возле железнодорожной станции. Трагична судьба их любви, и запоздалое признание Стражника, мужа Катерины и главного виновника его трагедии: «Я адно цвёрда зразумеў за свае жыццё... Не трэба насіць у душы зло на другога чалавека. Асабліва блізкага чалавека не трэба крыўдзіць...» звучит малым утешением непоправимой беды. Не повернуть время вспять, не вернуть жизнь любимой. А прощение – как утешение живущим и предупреждение молодым.

Если человек жив, его душа не может не болеть за все, что происходит на родной земле: «...корні кожнага чалавека там, дзе ён нарадзіўся, пражыў маладыя гады. Гэтага нельга забыць, выкінуць з душы, памяці». Корни его главного героя Василя, давно покинувшего родное местечко и всю жизнь отработавшего в шахте на Донбассе, остались на малой родине – в Беларуси, поэтому ему постоянно хочется сюда приехать, он здесь всегда свой. В его памяти эти милые сердцу красоты останутся навсегда, как и переезд, где пришла первая любовь, переживания и поступки, которые совершал, здесь корни, которые питают человека и выделяют его из других, может быть, лучших, но других. И этого не забыть, пока будешь жить, чтобы передать своим детям.

Все произведение – только десять дней лета, а в них вся жизнь простого белорусского труженика с обычной судьбой, каких немало на «родной бацькаўшчыне». И действительно

велик тот писатель, которому дано так высоко подняться в обобщении действительности, понять и отразить могущество и неповторимость белорусской души, постичь ее глубокий смысл и мудрость. Воистину подлинность писательского таланта определяется умением от личных коллизий автора в небольшой белорусской деревеньке подняться до философских общенациональных обобщений, исторически точно и художественно выразительно показать многоцветную палитру белорусского характера. Именно тогда образы, созданные в небольшой зарисовке, воссоздают все богатство и негромкость красоты белорусской земли и человека, много веков живущего на ней.

И. Я. Науменко вошел в историю белорусской литературы как яркий социальный писатель. Из его произведений выстраивается впечатляющая картина большого периода истории нашей Родины. Это художественное полотно неравнодушного человека, который многое повидал на своем веку и многое пережил, изведаль и постиг. Но в своем воображении и восприятии навсегда остался вдохновенным юношей, радостным и безмерно счастливым оттого, что наконец-то закончилась война, а он так молод и у него вся жизнь впереди. Он всегда оставался ответственным, потому что рано понял, что есть в жизни много вопросов, решать которые за тебя никто не будет. И выбор свой он сделал давно и вполне конкретный, когда в неполных семнадцать пошел в партизанский отряд, чтобы с оружием в руках защищать свое понимание жизни и воли. Таким – с четким пониманием Добра и Зла, ясным разделением между защитой Родины и ее предательством – он шел по жизни до последних дней. Он всегда знал и свято чтит свои корни, всегда оставался белорусом и нес это высокое звание через всю свою жизнь с достоинством и честью. Таким Иван Яковлевич Науменко и живет в моей памяти...

Данілаў А. Н. Сацыяльная кампанента мастацкай творчасці І. Навуменкі // Матэрыялы Рэсп. навук. канф. «Творчасць Івана Навуменкі: славянскі, еўрапейскі, сусветны кантэкст», 2010 г., 16 лют. / НАН Беларусі. Мінск:

Право и экономика, 2010.

Историк Н. С. Сташкевич и его время

Трудно смириться с мыслью, что Николая Стефановича Сташкевича уже почти два года нет с нами. Настолько органично он вошел в культурную ткань суверенной Беларуси, а его научные работы, монографии, учебники, статьи, лекции и выступления, сам факт жизни и деятельности существенно повлияли и, я думаю, еще долго будут влиять на понимание многих актуальных проблем отечественной истории. 23 августа 2013 г. ему исполнилось бы 75 лет. Он родился в деревне Мокрое Быховского района Могилевской области в крестьянской семье, ему не было и трех лет, когда началась война.

Н. С. Сташкевич никогда не играл роль ученого – он им был, никогда не изображал себя лучшим, чем был на самом деле. Таким он и останется в нашей памяти – крупным ученым и гражданином, человеком обыкновенным и в чем-то особенным и неповторимым. А его действительно высокий авторитет ученого был рожден и поддерживался на протяжении всей жизни напряженным каждодневным трудом, безусловной природной одаренностью и лидерской харизмой. Ученый-энциклопедист, он был человеком и гражданином поистине общенационального масштаба.

Сегодня, когда я вспоминаю Николая Стефановича, перед глазами сразу встает образ классического хрестоматийного академического ученого или вузовского профессора из далекой послевоенной поры. Такой же – немножко неуклюжий, полноватый, в толстых очках, непременно с потрепанным портфелем в руках, до предела набитым книгами, по-юношески увлеченный наукой. И еще – его удивительная манера общения, желание объясниться ясно и доступно, внимательно выслушать собеседника, а уже затем продемонстрировать быструю и очень точную реакцию – искрометную, пламенную и емкую. При этом он мог быть порывист и крут, мог «завестись», как говорится, «с пол-оборота» и тогда уж держись. Зла, как правило, не помнил, никому по жизни не завидовал, на коллег не обижался. В нем постоянно жило неукротимое желание – найти новые факты и обязательно докопаться до истины.

Как это ни парадоксально звучит, но каждое время рождает свою версию истории. Н. С. Сташкевич был искренним приверженцем советской цивилизации. То время было насыщено великими открытиями и свершениями, событиями радостными и трагическими, которые, без всяких преувеличений, во многом определили нынешнее состояние мира и его далекую перспективу. Уже более двадцати лет прошло с тех пор. И чем дальше уходит то время, тем более значимыми представляются итоги более чем 70-летнего советского эксперимента. Хотя для истории – это всего лишь мгновение, вспышка чрезвычайно яркого озарения. Вполне закономерно, что интерес Н. С. Сташкевича как ученого был сконцентрирован на самых сложных этапах советской и постсоветской истории, не до конца проясненных ее моментах.

Н. С. Сташкевич

Николая Стефановича всегда интересовали истоки и сам процесс системных изменений, переходных состояний, когда общественная система переживала революции, проявляла качества нового состояния. Его пылкий ум исследователя был направлен на постижение движущих сил перемен и роли личности в историческом процессе. Сложный, а подчас и трагический выбор нового пути развития, ускорение государственности в бывших республиках, а после распада Советского Союза самостоятельных странах стали предметом его неустанный научного поиска. До сих пор храню в памяти его положительную реакцию на мои монографии «Переходное общество: проблемы системной трансформации» (1997) и «Власть и общество: поиск новой гармонии» (1998), в которых с позиций социологической науки рассматривались близкие по тематике проблемы. Кстати, чтобы о чем-то судить, он всегда должен был прочитать текст и в оценках не кривил душой – говорил всегда то, что думал, в том числе и нелицеприятное. Но когда что-то ему нравилось, не скупился на похвалы. Сам был ученым самодостаточным.

Историк Н. С. Сташкевич всегда жил интересами страны, был осознанным государственным деятелем. Хорошее знание исторического прошлого давало ему возможность видеть далеко вперед. Его прогнозы развития политических процессов на постсоветском пространстве чаще всего сбывались, хотя и не всегда радовали. В нем жило постоянное стремление к философскому, социологическому и методологическому осмыслению происходящего. Подобная литература занимала практически третью часть его огромной домашней библиотеки. В лучших своих работах и выступлениях он сумел подняться над множеством фактов

и создать свои или развить уже существующие и укоренившиеся в исторической науке концепции. И сегодня, когда широким фронтом развернулись междисциплинарные исследования белорусской государственности, а ученые стремятся прояснить историю возникновения этноса белорусов, изучить их культуру, национальные особенности, традиции, быт, понять истоки духовности и жизненной силы белорусского народа, они вновь и вновь обращаются к работам историка Н. С. Сташкевича.

Н. С. Сташкевич – ученый-борец. Взгляды, которые сформировались у него под влиянием учителей и выкристаллизовались в процессе многолетней исследовательской работы, он защищал яростно. Здесь для него авторитетов не было. «Перевертышей», пришедших в историческую науку с перестройкой, он категорически не принимал. Особенно был нетерпим к фальсификации истории Великой Отечественной войны, реабилитации коллаборационистов, которые добровольно пошли на службу к фашистским оккупантам. Каждую новую информацию или факт искажения исторической правды, ежедневно, как лавина, обрушивающихся на сознание людей, не мог принять спокойно и всегда аргументированно и строго научно давал свой исчерпывающий комментарий. Эти качества сполна раскрылись в период редактирования профессором Н. С. Сташкевичем 18-томной Белорусской энциклопедии.

Видимо, еще рано давать окончательные оценки фундаментального вклада известного белорусского ученого-историка Н. С. Сташкевича в развитие социально-гуманитарной науки и теории государственного строительства суверенной Беларуси. Слишком мало времени прошло после его кончины. Однако уже сейчас можно вполне уверенно утверждать, что с уходом Николая Стефановича в белорусской исторической науке образовался своеобразный вакуум. Масштаб личности ученого, его авторитет и энциклопедические знания, независимость в оценках были столь впечатляющими, что еще при жизни он получил признание неформального лидера среди белорусских историков.

Ему действительно было многое дано. Несмотря на жизненные трудности и невзгоды, он – выходец из простой крестьянской семьи, как говорится, «выбился в люди». Поработав в свое время шахтером и слесарем, волею судьбы он в конце концов пришел на исторический факультет Белорусского государственного университета. Здесь же окончательно обрел свое призвание и с невероятной настойчивостью и завидным упорством засел за книги. Книга на всю оставшуюся жизнь стала его самой большой страстью и привязанностью. За более чем сорок лет своей научной и педагогической деятельности Н. С. Сташкевич собрал уникальную домашнюю библиотеку. До последних дней своей жизни он не отказывал себе в удовольствии насладиться чтением новой книги. Был энциклопедически образованным человеком, знатоком архивных материалов, обладал феноменальной памятью.

Николай Стефанович никогда не стремился к должностям и званиям. Может быть, поэтому никогда и не занимал должностей, достойных масштаба его личности и авторитета среди научной общественности. Начав свое восхождение в науке с должности младшего научного сотрудника Института истории партии при ЦК КПБ, он под руководством академика И. М. Игнатенко нашел свою научную нишу на недостаточно освоенном еще материке, каким в то время представлялась история Беларуси. Увлёкся сложным и малоизученным периодом белорусской истории начала XX века, на который пришлось революции, Гражданская война, восстановление народного хозяйства. Именно в этот период формировались и исчезали политические партии и движения, получил развитие сложный процесс становления белорусской советской государственности. Вполне закономерно, что молодой историк издает одну за другой серьезные научные статьи, монографии, которые до сих пор не потеряли своей актуальности и научной значимости.

Н. С. Сташкевич работал основательно и ответственно и вполне закономерно, что он постепенно продвигался по служебной лестнице. Со временем возглавил сектор истории Великой Отечественной войны Института истории партии при ЦК КПБ, а позднее – отдел

истории политических партий социалистической ориентации Института историко-политических исследований. Затем Н. С. Сташкевич возглавил кафедру истории и белоруссоведения Республиканского института высшей школы Белорусского государственного университета. С 1999 г. доктор исторических наук, профессор Н. С. Сташкевич исполнял обязанности директора Института истории Национальной академии наук. Последние годы работал профессором кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета.

Н. С. Сташкевич на заседании Президиума Высшей аттестационной комиссии. 2009 г.

Как ученый Н. С. Сташкевич не боялся конкуренции со стороны коллег. Именно поэтому в его управленческой этике доминировала научная компонента, он стремился найти понимание и общий язык со своими оппонентами, не прибегая к крайним административным мерам. Было это его слабостью или силой, покажет время, но он всячески стремился сохранять и наращивать реальный потенциал исторической науки. Многие из современных историков могут назвать его своим учителем или «крестным отцом». Дело в том, что долгое время он был ведущим экспертом ВАК по историческим наукам. После защиты докторской диссертации в 1990 г. и утверждения работы в Высшей аттестационной комиссии он постоянно работал в диссертационных советах. В 1998 г. Николай Стефанович возглавил экспертный совет Государственного высшего аттестационного комитета Республики Беларусь по историческим наукам. В 2003 г. Указом Президента Республики Беларусь он был включен в состав Президиума Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, где работал два полных срока, включая 2009 г. При этом профессор Н. С. Сташкевич никогда не отрывался от повседневной университетской и академической жизни – постоянно преподавал, выполнял научные проекты Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, руководил дипломниками, магистрантами и аспирантами. Официально

под его непосредственным руководством защищено не так уж и много диссертаций: где-то около десятка кандидатских и у пяти соискателей он был научным консультантом по докторским диссертациям. Зато многим из сегодняшних успешных ученых и преподавателей он дал путевку в жизнь своими советами и рекомендациями. Его творческая щедрость зачастую не знала границ. Если он что-то находил интересное, ранее ему не известное, он просто светился от счастья и непременно должен был сразу поделиться этим со своими коллегами, учениками, всеми, кто был рядом в эту минуту.

Николай Стефанович был интересен молодежи. И это тоже феномен, который следует выделить особо, так как это дается далеко не всем. Причина не только в его глубоких познаниях, он как бы притягивал словом, логикой, интонацией, покоряя смелостью оценок, остротой в постановке проблемы, доверительностью в разговоре, где он не учил, а на равных вел беседу. И тогда собеседник как бы сам приходил к выводам, о которых еще минуту тому назад даже не задумывался, признавая приоритет за профессором. А может, еще и потому, что Н. С. Сташкевич никогда не приукрашивал действительности, не использовал ложь как аргумент, оставался со своим собеседником на равных

и в его житейской правде искал, находил, а найдя зерно истины, мог принять его безоговорочно. Извлекать знания из событий истории, пожалуй, самое главное умение ученого-историка, и Н. С. Сташкевич владел им сполна.

Молодежь чаще смотрит на мир через учебник истории и формирует свое миропонимание на примерах исторических событий и поступков героев, которые впервые предстают с его страниц. В период распада некогда единой Советской страны, в состав которой входила и наша республика, возникла острая потребность в собственных учебниках истории. Была создана Государственная комиссия, где знания и талант Николая Стефановича были востребованы сполна. Фактически все учебники истории для средней школы, а затем и вузов суверенной Беларуси прошли через его руки, а точнее – через его сердце. И то, что сегодня в стране выросло целое поколение людей, знающее и любящее историю родной Беларуси, интересующееся своим прошлым, ищущее свои национальные корни, – немалая заслуга историка и активного исследователя Белорусской земли Николая Стефановича Сташкевича.

Н. С. Сташкевич был ярким и очень интересным лектором. Мог самые сложные вопросы и проблемные ситуации «разложить по полочкам» и донести до слушателей в понятной и доступной всем форме. Никогда не уходил от острых вопросов, даже самых каверзных. Дискуссия была его стихией: он не успокаивался до тех пор, пока не видел, что его позиция слушателями понята правильно, а сам он сказал все, что считал нужным высказать по данному вопросу. Иногда бывал осторожным, даже мог пойти на компромисс с оппонентами. Правда, только в том случае, когда на кону стоял не принципиальный, с его точки зрения, вопрос и компромисс с его стороны не имел далеко идущих последствий для понимания доказанной и апробированной в научной литературе исторической правды. Всячески боролся с фальсификацией истории, предпринимавшейся в угоду сиюминутной политической конъюнктуре, и здесь он был просто категорически непреклонен.

Всегда с любовью, образно и интересно рассказывал о своей студенческой жизни, учебе в аспирантуре, при этом с трепетом относился к своим учителям и всегда добрым словом вспоминал о них. Он стремился передать своим слушателям атмосферу и среду, в которой жил, работал и формировался как ученый. Перед замороженными слушателями представляли увлекательные и очень искренние рассказы об атмосфере, которая царила на историческом факультете Белорусского государственного университета, об отношениях со студентами и преподавателями, о науке и ее приоритетах, о свободном времени. Понятно, что ученый и педагог Н. С. Сташкевич как представитель своего времени вобрал в себя лучшие черты своих учителей И. М. Игнатенко, А. С. Абецдарского, В. А. Круталевича, И. Н. Лущицкого, В. М. Сикорского, Г. М. Лившица, Г. М. Трухнова, Л. М. Шнеерсона и др. Даже

в какой-то степени символично, что последнюю статью, подготовленную для «Белорусской думки», Николай Стефанович посвятил реабилитации своего учителя – профессора Л. С. Абецедарского.

Н. С. Сташкевич вышел из народа и был всегда верен своим крестьянским истокам. Его политические взгляды, духовные и нравственные начала внушали всем, кто его знал, общался, имел счастье слушать, – надежду, веру в торжество правды и справедливости. В этом большом человеке крепко сидели яростный бунтарь и осторожный мудрец одновременно, его крестьянский менталитет не смогли вытравить ни городская цивилизация, ни высокое образование или иная культурная среда. Он всегда оставался сыном своего народа, который тонко улавливал малейшие перемены в настроении широких масс, включая и рафинированную элиту, и простых людей.

Николай Стефанович был очень интересен в общении. Мне часто приходилось быть тому свидетелем. Конечно, притягивала энциклопедичность и глубина его знаний, но и какая-то естественность в общении и доверительность, с первых минут покоряющая его собеседников или слушателей. Говорил он всегда горячо и, если чувствовал, что его не понимают, мог в азарте дискуссии сказать остро и, может быть, даже для собеседника что-то обидное. Но это говорилось без всякой злости, «по дружбе», не меняло его товарищеского отношения к этому человеку и не мешало их общению в дальнейшем. В общении Н. С. Сташкевич был прост и доступен, а в ситуациях, связанных с поиском нужной ему книги, он мог быть по-детски наивным и непосредственным. Вся суета и неловкости, нередко возникавшие вокруг этого «книголюбия», нисколько не смущали его, наоборот, еще больше подчеркивали в нем увлеченность и искренность.

Н. С. Сташкевич неоднократно участвовал в Днях белорусской письменности с коллегами из Национальной академии наук Беларуси, где всегда проявлял глубокие знания и истинно народный характер, понимание жизни простых людей, а с другой стороны – отличался умением рассказать интересно и доступно о самых сложных научных проблемах. В редкие минуты отдыха любил посидеть в компании друзей и учеников. При этом разговор часто переходил на какую-то историческую тему и Николай Стефанович полностью овладевал вниманием «честной компании», оставляя собравшимся возможность лишь восхищаться и внимать его глубоким познаниям.

Как-то во время отпуска мне довелось быть с Николаем Стефановичем на экскурсии в Витебской ратуше. Уже в первом зале возник серьезный спор по поводу истолкования древних письменных источников, дошедших до нашего времени. У Николая Стефановича в этот день болели ноги, с любезного согласия экскурсовода он устроился у входа на стуле и, казалось, безучастно слушал отработанную и многократно повторенную речь нашего гида. Но не тут-то было, через мгновение он уже молодецкато вскочил со стула и горячо спорил с коллегами, осыпая присутствующих многочисленными цитатами из самых редких источников. Иногда казалось, что он просто нашпигован информацией и нет такой проблемы в истории нашего Отечества, о которой он ничего не слышал и не имел бы о ней своего мнения. Тем более впечатляло, что это были не бытовые досужие разговоры, а глубокие фундаментальные знания. Надо отдать ему должное, он всегда внимательно прислушивался к мнению профессионалов и не любил всезнаек.

Конечно, разговор о Николае Стефановиче Сташкевиче, по-настоящему великом человеке, ученом и гражданине Беларуси, еще впереди, слишком многогранна эта личность и весом его вклад в историческую науку. Талант его раскрылся во всю богатырскую мощь в трудное для науки и всей нашей страны время – время смуты и перемен, но оно не заставило его изменить себе, своим принципам, своему пониманию жизни. Выстояли большинство белорусских ученых, не бросившихся переписывать историю в угоду новой конъюнктуры, и первым по праву среди них был Н. С. Сташкевич. Именно такие ученые, как Николай

Стефанович Сташкевич, жили правдой, были подлинными радателями Белорусской земли. Память о нем будет долгой и светлой.

Данилов А. Н. К портрету человека и ученого // Сб. ст. Междунар. науч. конф. «Романовские чтения – 8».

Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2011. С. 14–15.

Философия – мысль и поступок

В наше время информационных технологий книга вновь становится самым дорогим подарком. Тем более такая, как новая книга известного российского ученого – академика Российской академии наук, директора Института философии РАН Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова «Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью»¹. Сразу хотелось бы отметить, что книга с любовью издана в 2012 г. Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов, почетным доктором которого автор является.

Академик А. А. Гусейнов – признанный и широко известный специалист в области истории и теории этики, античной этики, социальной философии. Сегодня не лучшие времена для гуманитарных наук. С реформой высшей школы из новых образовательных стандартов и учебных программ пропадают такие дисциплины, как этика, эстетика, религиоведение, логика, вообще сокращается преподавание гуманитарных наук. Хотя при этом мы констатируем, что современное общество серьезно болеет. Очевидно резкое падение уровня культуры, нравственности, человеколюбия. На глазах изумленных граждан общество теряет человеческий облик и погружается в трясину наркомании и преступности, где царят цинизм, безразличие и эгоизм. И здесь же находятся свои пророки человеческого дна новейшей истории – мира идейной пустоты и нигилизма. В этих условиях чистый голос ученого в защиту ненасилия, приоритетности нравственного выбора и искреннего человеческого участия становится по-настоящему пророческим и звучит как вещий колокол в защиту добра, справедливости и жизни на Земле.

Работы Абдусалама Абдулкеримовича всегда с интересом принимаются научной общественностью, известны далеко за пределами России. Это – «Социальная природа нравственности», «Введение в этику», «Золотое правило нравственности», «Краткая история этики» (совместно с Г. Иррлитцем), «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней», «Античная этика», целый ряд учебников и словарей, которые давно стали настольными не для одного поколения истинных ценителей таланта философа. Книга «Философия – мысль и поступок» в какой-то мере особенная, обобщающая, в ней помещены избранные статьи, публичные лекции, выступления, интервью за последние десять лет. Новая книга А. А. Гусейнова является квинтэссенцией его основных идей, оценкой происходящего в мире, откликом на острые моменты истории, эволюцию нравственного мира человека, отзывы и комментарии к ним. И здесь академик А. А. Гусейнов как всегда открыт и неповторим.

¹ Гусейнов А. А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. 848 с. (Почетные доктора Университета).

А. А. Гусейнов дает интервью телевидению БГУ

Структура книги хорошо организована и состоит из семи больших блоков, логически отражающих научные изыскания автора. Она включает разделы: о назначении философии; этика как практическая философия; о нравах и нравственности; мораль, политика, культура; о насилии и ненасилии; жизнь в профессии; университетские тексты (лекции, выступления в СПбГУП). Начинается книга с проникновенного слова об Абдусаламе Гусейнове ректора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов члена-корреспондента РАН, профессора А. С. Запесоцкого.

Лейтмотивом всей книги А. А. Гусейнова стала заинтересованная, честная и одновременно взвешенная оценка современного состояния философии, тревога за состояние философского образования, поиск места философии в современном обществе рисков и новых глобальных вызовов. На рубеже 1990-х годов «мы словно оказались в социальных джунглях» (с. 333). Однако «отказ от монополии марксизма у нас не перерос в антимарксизм, в запрет на профессию, как то случилось в ряде других посткоммунистических стран» (с. 115). Обретя свободу от партийного диктата, философы погрузились в свою работу с необычайной жадностью. Намного богаче, разнообразнее стала тематика выпускаемых книг по философии, едва ли не на порядок увеличилось их количество. В разы выросло число философских факультетов, в короткие сроки были преодолены провалы в освоении историко-философского наследия. Философия стала плюралистической реальностью, с ее помощью «ликвидированы белые пятна, связанные прежде всего с русской религиозной философией, философией европейского Средневековья. Осуществлена колоссальная программа по изданию философской классики» (с. 435).

Философия со своей претензией на особый статус среди гуманитарных наук «в настоящее время вновь оказалась на распутье, и это связано с необходимостью найти новую основу для соединения двух ее важнейших аспектов – познавательного и аксиологического» (с. 25). «Философия – сугубо человеческое дело. Ее назначение заключается в том, чтобы в рамках природной необходимости и сквозь нее прокладывать путь к предельным высотам человеческого совершенства. Где сегодня проходит этот путь – вот вопрос, который стоит перед

современной философией» (с. 27). Философ А. А. Гусейнов здесь очень точен – «вопрос о новом качестве, новом образе философии совпадает с вопросом о новых перспективах развития человека» (с. 29).

Попытки в прошлом уйти от ответа на самые злободневные и болезненные вопросы усугубили и без того изрядно пошатнувшийся авторитет философии в обществе. «Сегодня, на мой взгляд, философия уже не может прятаться и прикрываться наукой, теологией, искусством. Она должна явиться обществу сама по себе, в полном сознании своей исключительной ответственности. Это она сможет сделать, если вспомнит, что ответственна не просто за истину, а за такую истину, которая одновременно является долгом, обозначает достойный путь жизни. Если, оставаясь родом познания, выступит одновременно образом жизни. При этом речь идет не просто об усилении внимания к этике, а прежде всего и главным образом о моральном пафосе и предназначении философии в целом» (с. 27–28). «... Без этики нет философии...» (с. 61).

Философы древности рассматривали этику как вершину философии, по отношению к которой все прочие философские дисциплины выполняют исключительно подчиненную роль. Сегодня же получается, что философия больше не в состоянии предложить миру новую этику. А. А. Гусейнов отвечает на этот вызов следующим образом: «Поскольку философия мыслится и практикуется как совершенная форма жизни, постольку вполне естественным образом вопрос о совершенстве человека становится неотъемлемым и преимущественным предметом ее интереса. Так понятие «философия» само неизбежно разворачивается в этику, и одновременно с этим она особое внимание уделяет моральному опыту, культивируемому в обществе представлениям о добре и зле» (с. 64–65).

Размышляя над общим историко-теоретическим фоном современной ситуации в этике, А. А. Гусейнов отмечает, что «философский статус этики можно понять только в контексте этического статуса философии» (с. 67). «Философия не может ничего предложить этике по той причине, что она сама лишилась этических перспектив» (с. 82). «Возвращение к религии... следствие и выражение разочарованности в духовно-освободительной миссии науки и техники». Сегодня «...нет лиц и организаций, которые имели бы преимущественное право говорить от имени морали, и меньше всего годятся на роль моральных учителей те из них, кто громогласно заявляет себя достойным исполнять ее», – утверждает А. А. Гусейнов (с. 86). «... Важнейшей и самой насущной философской проблемой явится создание новой философской морали» (с. 91).

А. А. Гусейнов на презентации новой серии книг Института философии РАН. Минск, 2011 г.

Философия культивирует критическое отношение к действительности. Вполне закономерно, что как исследователь

А. А. Гусейнов находится постоянно в поиске, в осмыслении действительности. Не важно, где он в это время пребывает – читает ли какой-то текст, слушает доклад, отдыхает в часы досуга, – он мыслит, его мысль постоянно работает. Так возникают интересные и оригинальные идеи, которые он заносит для памяти на поля конспектов, в свои рабочие блокноты. И это не просто философские заметки, в них оценки, зарисовки с натуры, а по большому счету – золотая россыпь мыслей, идей, предположений. Читаешь их и просто купаешься в многообразии образов, роскоши житейской мудрости, строгости и одновременно доступности стиля изложения, восхищаясь высоким уровнем осмысления бытия, открывая для себя новые глубины в понимании всем хорошо известных явлений, ставших давно хрестоматийными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.